

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	7
<i>Слово эксперта</i>	9
<i>Вместо предисловия</i>	13

Часть I. Роковой 2022-й

Глава 1. Как вести себя в СИЗО. Курс тюремного выживания	21
Глава 2. Женская доля	37
Тюремный сочельник: Рождество-2022 в женском СИЗО	37
Пять лет в СИЗО: истории женщин, безумно долго ждущих приговора	42
Цветы для арестантки, или Положение женщин в СИЗО	54
Глава 3. Другая жизнь БС	63
Девять генералов и один «Медведь»	63
Адское лето «Медведя»	68
Карантин	69
Спецблок	72
Глава 4. Тюремная медицина	75
Нары Гиппократы: почему арестовали начальника главной тюремной больницы страны	75
Умри, но сиди: смерти в столичных СИЗО	89
«Кошкин дом»: как в Москве содержат самых опасных психопатов	93
Центр им. Сербского: как проходят экспертизу маньяки	106
Глава 5. Приключения иностранцев за решеткой	115
«Умираем, голодаем, объяснить не можем»	115

Глава 6. Истории известных арестантов	128
Смерть из «Лефортово»: всемирно известный ученый Колкер умер спустя сутки после помещения в СИЗО	128
Слепой «звездный» арестант	131
Интервью с биатлонистом Александром Тихоновым: «Я столько сделал для Родины, а со мной расправились»	136
Глава 7. Необычные СИЗО и их обитатели	145
«Город-сад»	145
«Кремлевский централ»	151

Часть II. Тюремные путешествия

Глава 1. Мордовия	167
ИК №5. Как сидят полковники	167
ИК №17. Шпионские страдания	176
ИК №1. Конец «крикушатнику»	180
ИК №2. Наказание по-женски	186
Глава 2. Саратов	190
Территория ужаса	190
Рассказы жертв пыток	201
Глава 3. Кировская область	216
Ужасы СИЗО	216
Колония №11. «Был на приеме у врача 117 раз» ...	223
Барабанная дробь «Черного дятла»	229
Подвиг Марсея	241
Жизнь по понятиям, а не по законам: как этот принцип запрещенной АУЕ рулит в российских колониях	247
Глава 4. Иркутская область	257
Ангарская аномалия	257
Как расследуют пытки в России	268

Часть III. Тюремное служение

- Глава 1. Божий человек.
На смерть Андрея Бабушкина 275
- Глава 2. «Милейшая». История самой
необычной тюремщицы страны 283

Часть IV. Время «Ч»

- Глава 1. «Мы будем жить теперь по-новому» 297
- Глава 2. «В списках не значится» 305
- Глава 3. Маньяки просят оружие 313
- Глава 4. Кругом бунтовщики.
Почему в тюрьмах России
растет число беспорядков 320
- Глава 5. Сажать не пересажать 325
- Эпилог* 329
- Приложение 1
Путеводитель по московским СИЗО 331
- СИЗО №1 «Матросская Тишина» 332
- СИЗО №2 «Бутырка» 336
- СИЗО №3 «Красная Пресня» 341
- СИЗО №4 «Медведь» 345
- СИЗО №5 «Водник» 350
- СИЗО №6 «Печатники» 353
- СИЗО №7 «Капотня» 356
- СИЗО №12, Зеленоград 359
- Приложение 2
Обращение Евы Меркачёвой к президенту РФ
Владимиру Путину и его ответ 363
- Перечень иллюстраций* 372

ОТ АВТОРА

Эта книга — настоящие тюремные хроники. Здесь не выдуманные, а реальные истории и описания российской тюрьмы в 2022 году. Этот роковой год вошел в историю, о нем уже написали и еще напишут политологи, социологи и т. д. Я же хотела зафиксировать его через призму российской тюрьмы. Очень надеюсь, что книга будет не только интересна широкому кругу читателей, но и полезна криминологам, депутатам, чиновникам и судьям — чтобы они могли, опираясь на эти данные и рассказы, менять тюремную систему.

Книга состоит из четырех частей. В первой я описываю ситуацию в московских СИЗО, в том числе уровень тюремной медицины и проблемы с условиями содержания. 2022 год неприятно поразил переполненностью СИЗО. Я рассказываю, как люди выживают в экстремальных условиях: заключенные спят на полу или по очереди, многим не хватает не только матрасов, но и подушек. Особенно интересно это было проследить на примере СИЗО №4 «Медведь». Именно в «Медведе» сегодня самый, скажем так, необычный состав заключенных: в прошлом священники и полицейские, сотрудники ФСБ и председатели судов... Многие из них были идеологами или же просто были частью системы.

Описание женского СИЗО и истории женщин, которые живут в ожидании приговоров по пять (!) лет, многих наверняка шокируют. Но это то, что нужно знать.

В книге много статистики. Кстати, вы, возможно, удивитесь, узнав, что треть московских заключенных — иностранцы. Об их «приключениях» я рассказываю отдельно.

Вторая часть посвящена проверке СИЗО, колоний и тюрем регионов с самой дурной славой. И в ней я поднимаю тему пыток (в том числе с рассказами очевидцев). В составе группы членов Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека (СПЧ) я побывала в саратовской тюремной туберкулезной больнице, которая стала символом расчеловечивания.

«Что помогло вам выдержать пытки?» — «Я смотрел на тех, кто мучил меня, и благодарил Бога, что я не на их месте». Этот диалог состоялся у меня с одной из жертв пыток. Сколько их было за последнее время... И у каждой такой пытки были «режиссеры», имена которых в «титрах» уголовных дел не всегда значились. Люди, которые заявляли, что стали жертвами пыток, сейчас подвергаются репрессиям, против них возбуждают уголовные дела за ложный донос. Как выражаются правоохранители, это «ответка». А за извергов-мучителей (в том числе уже признанных преступниками судом) грудью вступаются их коллеги.

Третью часть я посвятила великому подвижнику-правозащитнику Андрею Бабушкину и самой необычной тюремщице эпохи.

Наконец, четвертая часть — о тех революционных изменениях, которые происходят с тюрьмой всего пару раз в столетие и которые случились в 2022 году: о появлении новых ПВР (правил внутреннего распорядка) и участии осужденных в специальной военной операции (в том числе о попытках, правда безуспешных, пожизненно осужденных попасть в зону СВО).

Ваша Ева Меркачёва

СЛОВО ЭКСПЕРТА

Вы когда-нибудь задумывались над тем, когда появились тюрьмы? Кажется, что они существовали во все времена. Мы настолько привыкли к соседству с местами строгой изоляции, что даже не задаемся вопросом, есть ли им альтернатива. Тюрьма для нас — атрибут обычной социальной жизни, а сама ее концепция, как кажется, не требует аргументации и доказательств ее убедительности. Между тем тюрьме в ее современном понимании и целеполагании меньше трех столетий. Конечно, в древности тоже были тюрьмы, но на протяжении долгого времени они оставались исключительно местом заточения и растянутой во времени мучительной смерти. Например, в империи инков тюрьмы считались страшнее казни: в них обитали хищные птицы и звери, ядовитые змеи и насекомые. Если заключенному удавалось пережить в этом аду назначенный судом короткий срок, его признавали невиновным и освобождали. В России XVII века «арестанты внутри стен тюрьмы представлены были сами себе, правительство принимало меры лишь против их побегов. Даже тела умерших колодников государство в то время не считало возможным хоронить...»*

Со временем лишение свободы приобрело новый смысл: возникла цель исправления. Появились современные тюремные здания, была регламентирована пенитенциарная служба. Но намного ли существующие сегодня тюрьмы отличаются от тех, что были у инков? Изменилась ли сущность тюрьмы?

* Сергеевский Н. Д. Наказание в русском праве XVII века. — СПб.: 1887. — С. 200.

Или она осталась тем же тотальным институтом, полностью подчиняющим себе личность осужденного? Можно ли достичь исправления в условиях изоляции? Ответы на эти сложные вопросы, на мой взгляд, пытается дать Ева Меркачёва.

Каждый приобретающий огласку (в том числе благодаря Еве) случай насилия в исправительных учреждениях и следственных изоляторах неизменно воскрешает дискуссию о реформе пенитенциарного ведомства. В качестве панацеи, например, предлагается идея разделения функций охраны и исправительного воздействия. В погонах — охрана, а в деловых костюмах — гражданский пенитенциарный чиновник. Надо сказать, что ни один из существовавших проектов тюремной реформы не дал значимого результата. Да и тюрьму начали реформировать на следующий день после открытия первой из них. При этом «веками слово в слово повторяются одни и те же фундаментальные принципы... всякий раз они выдают себя за наконец-то найденную, наконец-то признанную формулировку принципов реформы, которой прежде всегда недоставало»*.

На самом деле, реформировать надо не столько учреждения, сколько профессиональное сознание. Во-первых, нужно признать, что тюрьма отнюдь не главное средство противодействия преступности и что она когда-нибудь может уступить свое место другому наказанию, точно так же, как когда-то тюрьма заменила собой членовредительские санкции.

Во-вторых, важно помнить, ради чего мы тратим столько ресурсов на содержание пенитенциарной системы. Каждый раз я предлагаю студентам, приступающим к изучению уголовно-исполнительного права, простую фавулу на тему реализации одного из прав осужденных. И каждый раз неизменно слышу от кого-нибудь из них: «Зачем им такое-то право, они же

* Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. — М.: AD Marginem, 1999. — С. 396.

преступники?» Слышу я эту фразу и в профессиональной среде. «Какие могут быть у них права, они же преступники?»

Нельзя сказать, что в российской тюрьме ничего не меняется. Отнюдь. Мы сегодня являемся свидетелями одной из самых серьезных трансформаций уголовно-исполнительной системы. За последнее десятилетие были закрыты сотни учреждений, не соответствующих минимальным стандартным требованиям, радикально сократилось и число осужденных. На 1 августа 2022 года в российских исправительных колониях, тюрьмах и СИЗО содержались 465 347 человек, из них четверть — в СИЗО (114 172 человека). Это исторический минимум в новейшей истории! Так, например, в 1986 году число находящихся в местах лишения свободы составляло 2 356 933 человека, в 1991 году — 1 254 247, в 2000 году — 1 092 000. Россия, много десятилетий занимавшая третье место в мире по тюремному населению, переместилась на пятое место. А по количеству заключенных на 100 000 человек — в третий десяток.

Теперь важно, чтобы трансформация привела к качественным изменениям системы в целом. Интервью и поездки Евы Меркачёвой способствуют этому. Они позволяют взглянуть на мир тюрьмы изнутри, понять ее сущность, увидеть человека тюрьмы. Здесь речь идет не только об осужденном, но и о его близких, а также о сотрудниках исправительных учреждений. Этот мир может показаться пугающим и полным жестокости и несправедливости, но в нем же можно увидеть и доброту, и надежду, и простые человеческие эмоции.

Данил Сергеев,
криминолог, кандидат юридических наук,
проректор УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Книга «Кому на Руси сидеть хорошо? Как устроены тюрьмы в современной России» — новая работа известной российской журналистки (титованной за очерки в газете «Московский комсомолец» званием «Золотое перо России»), активного правозащитника, члена Общественной наблюдательной комиссии (ОНК) города Москвы, члена Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека Евы Меркачёвой. Книга родилась на основе публикаций автора в ее родной газете. Недавно из печати почти одновременно вышли две ее книги — «Град обреченных»* и «Тесак, Фургал и другие»**. Обе посвящены трудной для общества теме — проблеме смертной казни как уголовному наказанию и тюремному миру осужденных за самые тяжкие и опасные преступления. Обе — в контексте главного вопроса о том, оправдан ли существующий в России запрет на применение смертной казни к таким преступникам. Ответ на него непросто, так как вряд ли еще какая уголовно-правовая проблема волнует людей (в равной мере юристов и неюристов) так, как проблема смертной казни. Сколько высказывается доводов за и против такого вида наказания!

Новая книга продолжает тему тюремной жизни современной России, однако привлекает внимание к другой категории «сидельцев» тюремных учреждений. А именно — к обвиняемым

* Меркачёва Е. Град обреченных: Честный репортаж о семи колониях для пожизненно заключенных. — М.: Альпина Паблишер, 2022.

** Меркачёва Е. Тесак, Фургал и другие: «Странные» смерти, дела и быт в российских тюрьмах. — М.: Книжный мир, 2021.

в самых различных преступлениях, но оказавшихся в жестких условиях тюремного быта по одному лишь подозрению в их совершении. Речь идет о лишении свободы находящихся в так называемых следственных изоляторах (СИЗО).

Автор сумел нащупать больное место нашей тюремной системы (уже постсоветского времени) — ее перенаполняемость. Так, например, даже через пять лет после принятия действующего и поныне Уголовного кодекса Российской Федерации в местах лишения свободы (а также в местах предварительного заключения), согласно официальной статистике, ежегодно находилось около миллиона и даже более человек. Это не могло не иметь негативных последствий, в том числе привело к криминализации значительной части населения России, ухудшению условий содержания осужденных (не хватало, например, «койко-мест» в колониях и тюрьмах, а также нормального питания).

И не сразу, а с большим трудом законодателю и судам все-таки удалось сократить «тюремное население». Так, к началу 2017 года число лишенных свободы в России достигло своего исторического минимума: в колониях и тюрьмах содержалось 523 000 человек (а не ежегодных около миллиона). Невероятно, но факт: некоторые колонии даже стали закрываться за ненадобностью (процесс этот, судя по официальным данным, продолжается до сих пор).

Существует, однако, одно но: для следственных изоляторов такая динамика наполняемости, по наблюдению автора книги, нехарактерна. И описанная выше проблема вернулась именно в СИЗО. И главное то, кто пострадал и продолжает страдать от этого, — лишенные свободы в этих учреждениях женщины. Так, по подсчетам Евы Меркачёвой, именно там в 2022 году встретили Новый год и Рождество почти 900 представительниц слабого пола, в том числе беременных и имеющих малолетних детей. «Примерно треть из них могли бы провести его с близкими под домашним арестом или под подпиской

о невыезде, потому что совершили нетяжкие преступления. Но не сложилось... Трижды не сложилось: сначала следователь, потом прокурор и наконец судья посчитали, что решетки этим женщинам подходят больше новогоднего убранства». Автор приводит в пример «экономическую камеру», так как в ней находятся женщины, арестованные по подозрению в совершении именно экономических преступлений — мошенничества, присвоения и др. В ней 29 человек, из которых у 16 есть дети, а восемь из них — официально многодетные матери. По приблизительным подсчетам Евы, обитательниц только этой камеры ждет дома около 40 детей. Но те, кто отправлял за решетку их мам по подозрению в совершении ненасильственных (и еще не доказанных!) преступлений, вряд ли это учитывали.

На что жалуются эти лишённые свободы и возможности общаться с детьми женщины? Главное — на то, что нередко дожидаются приговора пять лет (!). Примеров достаточно. Вот один из них: «В этом СИЗО я с марта 2017 года, — рассказывает молодая женщина. — Я все еще не осуждена: за эти пять с половиной лет дело так и не доходило до приговора».

Переполнены не только женские СИЗО, но и мужские (там «перелимит» еще больше). Так, в «Матросской Тишине» заключенные спят даже на полу. Среди них десятки людей с тяжелыми заболеваниями, которые также могли бы остаться под домашним арестом до вынесения приговора. И все они точно знают: шанса на диагностику и лечение у них фактически нет, а единственный способ выжить — признать свою вину.

Впрочем, и это не гарантирует свободы. Так, например, в СИЗО «Лефортово» был помещен известный ученый — профессор Дмитрий Колкер. У него был рак в 4-й стадии. Но его, не способного самостоятельно передвигаться и питаться, находившегося на аппаратах жизнеобеспечения, вывезли из больницы. В тот же день судья арестовал Колкера, поверив в то, что в госпитализации тот не нуждается (хотя на руках

были документы, где говорилось, что возможности хирургии и химиотерапии исчерпаны). А потом ученого на самолете доставили в Москву, в СИЗО «Лефортово». Автор задается вопросом: «Как можно было отключить больного от аппарата жизнеобеспечения и везти нетранспортабельного человека на самолете в другой город?» Результат: «В ночь с 1 на 2 июля 2022 года Колкера из “Лефортово” экстренно доставили в ГКБ №29, где в 2:40 он скончался».

Следует отметить, что Ева Меркачѐва при описании существующего тюремного режима в СИЗО постоянно задается вопросом, до каких пределов возможны ограничения в них свободы. Когда они допустимы (а может быть, и необходимы), а когда являются лишь неоправданной жестокостью? Можно ли считать находящихся в них лиц *виновными*? С точки зрения Конституции РФ (недавно обновленной), конечно же, нет. С точки зрения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации точно так же — нет. Но как же суды соглашаются с требованиями следователей и годами (как неоднократно отмечает автор книги) продлевают сроки пребывания подозреваемых в следственном изоляторе? Это вопрос к их профессиональной и нравственной компетентности.

Автор книги исходит из того, что герои ее очерков — это лишь подозреваемые в преступлениях, которые, может быть, виновны в инкриминируемых им деяниях, а может быть, и нет. И книга служит своего рода рекомендацией для оказавшихся в таком сложном положении. Она о том, как вести себя в СИЗО, как пройти курс тюремного выживания. Автор сформулировала ряд правил поведения (на основе пережитого как теми, кому удалось добиться справедливости, так и теми, кто отбыл назначенные судом сроки лишения свободы). Их много, и любой читатель ознакомится с ними не без пользы для себя. В их числе призыв использовать время нахождения в СИЗО для поддержания своей интеллектуальной формы: «Больше читайте, много читайте, но не желтую

прессу... Соблюдайте общепринятые правила общежития. Проявляйте уважение к окружающим людям, в том числе и к сотрудникам тюремного учреждения. Регулярно занимайтесь физическими и интеллектуальными упражнениями. А главное — сохраняйте человеческие качества. Главное — остаться человеком!»

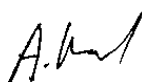
В качестве эксперта-советника по вопросам пребывания в СИЗО автор привлекла экс-следователя Следственного комитета России Андрея Гривцова (тот побывал за решеткой в качестве обвиняемого, но позже был полностью оправдан). И, увы, его опыт лишь подтверждает, к сожалению, не потерявшую актуальности поговорку о том, что в России от сумы и тюрьмы зарекаться нельзя. Всякое может быть.

Хотя, как говорится, и капля камень точит. И старания Евы Меркачëвой как автора журналистских расследований и книг не пропадают даром и доходят иногда и до законодателей, и даже до президента РФ (вспомним хотя бы его поддержку продвижения журналистом закона «о пытках» и возможного — вместо содержания под стражей — применения к подозреваемому домашнего ареста или «браслетов»). Так, в «Московском комсомольце» от 28 августа 2022 года сообщалось, что сенатор А. Клишас публично обратил внимание на такой юридический нонсенс: условия в СИЗО — как в колонии строгого режима, а строгий режим для женщин Уголовным кодексом не предусмотрен в принципе, т. е. еще не признанные виновными женщины (которые, возможно, будут оправданы) содержатся в таких строгих условиях, которые для них не предусматриваются даже после приговора. Так что bravo, Ева! Как юрист-криминалист, более полувека посвятивший исследованию проблем уголовного права, только поражаюсь твоему мужеству и настойчивости.

Книга написана с откровенным сочувствием к узникам следственных изоляторов. В этом отношении круг предшественников у автора достаточно ограничен. К вершинам можно

отнести: «Остров Сахалин» А. П. Чехова как проявление гражданского и литературного подвига писателя; пьесу «На дне» М. Горького, подвижническую деятельность тюремного врача Ф. П. Гааза (что-то мы не видим такой фигуры в сегодняшней тюремной медицине) и, наконец, А. Солженицына с его «Одним днем Ивана Денисовича» и «Архипелагом ГУЛАГ».

Книга Евы Меркачёвой продолжает эту гуманистическую традицию, а я вслед за автором повторю давнюю (применительно к обсуждаемым проблемам) истину, что «милосердие выше справедливости», и поздравлю журналиста и писателя с новым творческим успехом.

А. В. Наумов,
*профессор, доктор юридических наук, заслуженный деятель
науки РФ, лауреат Национальной премии по литературе
в области права, член Союза писателей Москвы*

3 сентября 2022 года

Часть I
РОКОВОЙ
2022-Й

ГЛАВА 1

Как вести себя в СИЗО. Курс тюремного выживания

Увы, сегодня уже мало кто исключает для себя гипотетическую возможность оказаться за решеткой. Ученый, преподаватель, инженер, бизнесмен, продавщица — неважно, кто вы по профессии, — поместить в СИЗО вас могут и за дело, и по злому умыслу, и по ошибке. Я собрала рекомендации о том, как правильно вести себя за решеткой, если, не дай Бог, туда приведет судьба. Сразу оговоримся: речь идет о следственном изоляторе, где содержатся только обвиняемые в преступлении, но не признанные преступниками.

*Первоход на хату раз заехал,
Может, месяц здесь пробудешь, может — год.
Здесь ведь главное — остаться человеком,
Вот и вся наука, мальчик-первоход.
Просто главное, хоть где, — быть человеком,
Первоход, мальчишка юный, первоход...*

Отрывок из песни «Первоход»
группы «Крестовый туз»

Как в шутку выразилась бывший аналитик УФСИН по Москве Анна Каретникова, главные рекомендации для новеньких собраны в песне под названием «Первоход». И действительно, в ней поэтапно расписано все, что обычно происходит с арестантом. Но мы расскажем об этом подробнее и устами тех, кто сам прошел через испытание тюрьмой или же знает об этой системе изнутри (т.е. там работал).

Итак, начать нужно с самых азов, а именно с изолятора временного содержания (ИВС относится к системе МВД), в котором подозреваемый может находиться до 72 часов, пока судебный орган не вынесет постановление о его дальнейшей судьбе.

Никто не знает, кто нарисовал этот добрый рисунок в камере московского СИЗО, но он согревает сидельцев уже много лет

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru